

Сенокостав

Ясное утро. Обильные росы.
Ласковый шелест осин.
Хохотом будят леса и покосы
Братья — Сергей, Константин.

Сколько в них удали, сколько сноровки!
Тятя бодрит сыновей.
Яростней молний сверкают литовки,
Падает навзничь кипрей.

Твёрдая поступь. Крылатые взмахи,
Очи азартом горят.
В огненных росах намокли рубахи.
Каждый силёнкой богат.

Солнечный ветер обвеет ромашку,
Быстро убавится пруть:
Братья впрягут в волокуши Пегашку —
Копны поедут возить.

Стойкое ведро — крестьянское счастье!
Знойные травы шуршат,
Дружные сёстры — Анфиса и Настя
Ловко сенцо ворошат.

А по тропинке, ручьиистой и древней,
Тайно любуясь на птах,
Девочка Нюра несёт из деревни
Скромный обед в тuesках.

Жмурит от солнца свои незабудки,
Явно довольна собой!
В образе тяти на помощь малютке
Полдень спешит голубой.

С детства, мой друг, на раздольных покосах
Родину мы познаём,
Где до озноба настоян на грозах
Каждый лесной водоём.

С детства, мой друг, на родимой природе
К высшей стремимся любви,
К той, что бурлит родниками в народе,
В песенной нашей крови!

Сторона речная

Детство, детство! Мальчик босый
Смотрит вдаль из-под руки:
Старый бакенщик на плёсах
Зажигает огоньки.

Едет вечер в таратайке.
Мошкара крапивой жжёт.
Пляшут девки на лужайке —
Хромка спуску не даёт.

Гармонист, остынь немножко!
Но катается гармонь,
Как горячая картошка,
Да с ладони на ладонь.

Где-то чибис причитает
Над утопшею звездой...
Сторона моя речная —
Ветра звон берестяной!

Эхо канет в небе алом.
Вслед за эхом от реки
Барабанит ночь по скалам
Тонкой ножкой кабарги.

Ты во мне, как вдох и выдох.
Не скружу в лесах родных —
На твоём раздолье вырос,
На ярушниках твоих.

Бабье лето

Золотые гвозди
На овсах зари,
На рябинах грозди,
Будто снегири.

Мнится: только свистни —
Улетят за лес.

Паутиной свисли
Облака с небес.

На лесной опушке
На траве седой
Крутятся волнушки
Розовой юлой.

Шмели

Разве можно забыть эти брови подковой,
Силу собственных чар ты не знаешь сама —
Оцелованных губ привкус вербы медовой
Так и сводит с ума, так и сводит с ума!

Ты пришла и ушла по разбитой дороге,
По ослежьям судьбы свой искать интерес,
Непутёвый апрель щедро бросил под ноги,
Отражая тебя, шёлк текучих небес.

По лесам и полям Божья музыка льётся,
Скоротали метель и расстались навек.
Сколько зим пронеслось, до сих пор отдаётся
Колокольчатый смех за туманами рек!

Разве можно забыть эти брови подковой?
Обожгла нас любовь, и на память о ней
Ты оставила мне прутик вербы медовой
И поющих на нём золотистых шмелей.

Осенцы

Звонкий лёд и синева. Ой, речные ночи! Побелела голова, Стали строже очи.	Зашугует пережат, Не горюй, подружка. Всё-то будет хорошо, Всё-то будет гладко! Ты молоденька ещё И целуешь сладко.
Под ногами верещат Осенцы упруго.	

Тройка

Кони — вьюга! Уносят, уносят... Гривы, вспыхнув, звенят на ветру. Эй, залётные! Волюшки просят. Воли дай — разобьют на юру.	За любовь, за народные песни, За себя мы ещё постоим, На руках твоих древние перстни Отогрею дыханьем своим.
Всё, как было, пороша и хромка, Полушалок цветной до бровей. Лунным вихрем клубится позёмка Из-под кованных свистом саней.	Нам по нраву ожоги позёмки И к лицу деревенский наряд. Нашу борзую тройку в потёмки Зря мечтает угнать конокрад.
Коренник рвёт поводья, рыдая. Пристяжные хрипят по бокам. Искроглазка моя дорогая, Я тебя никому не отдам.	Погляди — над полями, лесами Расступается дрёмная мгла! Соловьём заливаются сани. Кони — вьюга! В крови удила.

Предосень

Тропа снуёт куда попало. Тайга просвечена насквозь. Ещё не вызрела — с подпалом — У векши дымчатая ость.	Ещё не верится, что осень Вплела тоску в собачий лай. Но выйди к житу, к речке плавной — Вдруг тетивой вспоёт крыло... В лазури долго будет плавать Чирка кудрявое перо.
Ещё косарь отаву косит — На чёрный день, на поздний май.	

Воробей

Мёрз ты под крышей — от копоты чёрен, Ньюло пустое нутро. В лютый мороз я давал тебе зёрен. Чем отплатил за добро?	Выщипал напрочь рассаду на грядке, Лень насекомых ловить... Я-то стерпел, а сосед из рогатки Запросто мог бы убить.
---	--

Тихая деревня

Смотрю на дикие поля,
Ловлю глазами птичью стаю.
Деревня тихая моя,
Тебя весёлой вспоминаю.

Здесь столько лет Кузьма, Филат
Пахали, сеяли, косили!
Ни привилегий, ни наград
У государства не просили.

Кормили хлебушком народ.
Хозяйство крепкое стояло.
Пожаров не было, а вот
Сельчан по свету разметало.

Как будто им с гнилой ольхи
Накликал ворон хворь и голод —
И потянулись от сохи:
Кто в леспромхоз, кто в душный город.

Кого винить? Кого жалеть?
Прости, деревня, я бессилен
Пустые избы обогреть —
Их много нынче по России.

Приговорённые на слом,
Они достойны лучшей доли.
В торговых комплексах вином
Не заглушить крестьянской боли...

Смотрю на дикие поля,
Ловлю глазами птичью стаю.
Деревня тихая моя,
Тебя весёлой вспоминаю.

Не вспыхнут радостно огни,
Не всхлипнут в сутеми колёса.
В траве обломками лыжни
Белеет палая берёза.

А рядом кустик молодой
Пророс сквозь древние салазки,
Дремучий пень, как домовой,
Его баюкает под сказки.

Молчишь. Надеешься и ждёшь.
И сыновья к тебе вернуться,
Посеют солнечную рожь
И первым всходам улыбнутся!

Ледоход

Канула мельница —
Белая сказка.
Варвар намедни ли
Свёз на дрова?
Мелется, мелется
Мёрзлая ряска,
Крутятся-вертятся
Льдин жернова.

Сгнули пахари...
Мельнику снятся
Шаньги покровские,
Воздух мучной.
Охает, ахает
И не едятся
Булки сельповские —
Хлеб привозной.

Лебеди

Из года в год несли тепло на север,
Гнездились за Ичерой искони.
С прилётом их справляли праздник сева,
Струился пар от вспаханной стерни.

Как дружно вверх тянулись яровые —
И каждый колос вызреть успевал!
А лебеди, сгибая гордо выи,
Нас окликали с утренних зеркал...

Всё явственней зелёный мох на крышах
Убогий вид Ичере придаёт...
Никто теперь горластых не услышит,
Встречая за околицей восход.

Прошедшей ночью распрощались с нами:
Чуть задевая крыльями кусты,
Проплыли над заросшими полями
И молча улетели за хребты.

Когда в селе единственные дровни,
Ослепший конь, телега да хомут,
Когда меняют лебеди гнездовья —
Продержатся недолго люди тут.

Понедельник

Помню синий понедельник:
Плыли льдины по реке,
Я с отцом ломал метельник
В молодом березняке.

С грустью думая о прошлом,
Что осталось вдалеке,
Я шагаю по роскошной,
По берёзовой тайге.

Я старался до одышки —
С хитрецей отец хвалил.
На поклажу злился Рыжка,
Набок розвальни валил.

Березняк подрос за годы,
Стал осанистей, белей,
Никуда мы не уходим
От земли и от людей.

Было звонко, было тало!
Дух от солнца замирал...
Но давно отца не стало,
Рыжка без вести пропал.

Остаёмся в песне, в деле,
Прорастаем сквозь жнивьё...
Здравствуй, синий понедельник —
Обновление моё!

Медведки

На опечках потрескался ил.
Лето. Свадьбы медвежьи.
Разжелтил, рассинил, раскраснил
Сеностав побережье.
Остроглазая. Тоненький стан.
И волнистые бёдра...

Нас будил на заре турухтан
Камышинкой о ведро.
Вился овод. Хрустел камешник.
Птахи нянчили деток.
Заглушал эту музыку рык
Разъяренных медведок.

Ты была в тот чудной сенокос
Горяча и упруга.
Вечерами настоями трав
Мы поили друг друга.
Догорал развесёлый костёр,
В балагане под ветки
Я совал свой походный топор —
Баловали медведки!
Ты смеялась, перечила мне:
Мол, медведки не тронут...
Но храпели в ночной тишине
Длинногривые кони;
Осыпая горошины рос,
Громко ойкали птахи,
Беззащитно скулил старый пёс,
Лез в кострище от страха.
Ты отважно, в чём мать родила,
На покос выбегала:
То русалкой по травам плыла,
То жар-птицей сверкала.
Я к медведкам тебя ревновал.
Помню, были причины...
Задождало — поник астрагал,
Золотарник и чина.
Запорхал над Ичёрой снежок,
Хоп — и в армию взяли...
А в апреле родился сынок —
Михаилом назвали.
Ты писала про наш сенокос
И о прелестях луга,
Где настоем загадочных трав
Мы поили друг друга.
Вспоминала про зной и цветы,
Намекнув напоследок,
Что была легкомысленна ты
В отношеньи медведок...
Наконец-то дошло до меня,
Что родился медведка!
За постылой казармой полдня
Пил от сердца таблетки.
Три наряда себе схлопотал.
Хитро лыбилась рота:
Косолапика нарисовал
Мне на кителе кто-то.
Командир не щадил молодых —
Топай без передышки...
Тут ещё на конвертах твоих
Олимпийские мишки.

Письма сыпались, не было сил
Отвечать на приветы:
Миша, Мишенька и Михаил —
Раздражало всё это.
Охранял я прилежно Восток,
Славу армии множил,
А вдали подрастал мой сынок,
На медведку похожий.
Лягу спать, и представится вдруг
Чёрный носик уродца...
Утешал опечаленный друг:
— Может, всё обойдется?
Даже повар в столовой и тот
Из оконца справлялся:
— Как там тыга-топтыга живёт?
И уважить старался.
Друг за дружкой мелькали деньки,
Словно дикие пчёлы,
А медведки считали пеньки
На далёкой Ичёре.
Командир за солдата дрожал,
Бедный, выплакал очи:
— Хоть бы в лес поскорей убежал
Твой мохнатый сыночек!
А иначе — нежеванным съест,
Как безмозглую птичку,
Где поставим несчастному крест
И повесим табличку?
Вот и кончилась служба моя,
Отстрелялся я метко
И метнулся в родные края,
А с крылечка медведка:
— Папа-лапа вернулся домой!
Мама, мама! Скорее!
По-медвежьки потрянул головой
И запрыгнул на шею.
На меня пошибал озорник,
Дал за это конфеток.
За околицей слышался рык
Разъярённых медведок.
Ты сказала, на грудь мне припав:
— Лето. Свадьбы медвежьки.
Время косы точить — сенокос,
Луговое освежье.
Остроглазая. Тоненький стан.
И волнистые бёдра...
Нас будил на заре турухтан
Камышинкой о ведро.